

Редин Д.А.
УЧЕТНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКОЙ КОНТОРЫ 1720-х гг.:
КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВ*

Острая ограниченность ресурсов, присущая России раннего Нового времени (как и другим европейским государствам той эпохи [16, р. 328–331]), побуждала власть, кроме прочего, стремиться к организации разнообразных мобилизационных механизмов, требовавших налаженной системы учета как в фискальной, так и в служебной сферах деятельности.

Документация, отложившаяся в ходе учетно-мобилизационных мероприятий органов управления, в частности – документы служебного учета дворянства, о которых пойдет речь ниже, давно привлекала историков благодаря своему информационному разнообразию и богатству. Особенно повезло в этом смысле административному делопроизводству допетровской России [см., напр.: 1, 3, 4, 5, 7, 13, 14].

Петровские преобразования принципиально изменили как саму структуру служилого сословия и организацию вооруженных сил, так и систему государственного управления, в том числе – механизмы учета, мобилизации и перераспределения кадров в армии, на флоте и в штатской государственной службе. С 1711 г. (времени учреждения Сената) функции Разрядного приказа, осуществлявшего и контролировавшего кадровую политику страны, перешли к Разрядному столу Сената, а в 1722 г. – к Герольдмейстерской конторе, сенатскому учреждению, возглавляемому герольдмейстером. В результате деятельности Герольдмейстерской конторы отложился внушительный комплекс документов, сосредоточенный ныне в одном из фондов Российского государственного архива древних актов [11].

На наш взгляд, особый интерес представляют дела, относящиеся к раннему периоду деятельности этого учреждения, отражающие ситуацию 1720-х – 1730-х гг. (самый ранний документ, имеющийся в фонде, датирован 1718 г.: «Ведомость Военной канцелярии о составе армии» [11, оп. 1, д. 1]), хотя бы потому, что на сегодняшний день историография не располагает ни одной специальной работой, посвященной истории организации системы дворянского учета в первой трети XVIII в.*

Номенклатуру учетной документации Герольдмейстерской конторы в самом общем виде устанавливала Инструкция герольдмейстеру [9], предписывавшая вести «генеральные» именные списки и такие же списки «по чинам»; списки дворян, годных к службе, с указанием назначений и перечнем лиц, оставшихся без назначений; списки дворянских детей с указанием их возраста. Судя по всему, эти три рода реестров следовало изготавливать на основании «прежних шляхетских списков, которые есть при Сенате и остались в прежнем Разряде». Самый ранний образец такого документа представлен в фонде статейным росписным списком людей московских чинов 1720 г. [11, оп. 1., д. 4]. В то же время Инструкция требовала ведения актуального учета: составления дворянских списков на основании результатов «нынешних приездов и смотра», с указанием наличия детей и других родственников мужского пола и их рода деятельности, включая обучение грамоте (наиболее ранние документы такого рода представлены в фонде разборными и смотренными списками и книгами 1722–1725 гг. [11, оп. 1., д. 27, 48, 52]). Подобные текущие документы учета следовало ежегодно корректировать на основании рапортов, присылаемых с мест. Такая документация должна была опираться на некие первичные данные, представленные хорошо известным прежней учетной практике жанром – «сказками» служилых людей.

Для структурирования информации первый герольдмейстер стольник С. А. Колычев 6 марта 1722 г. разработал формуляр «сказки», обнаруженный и описанный С. М. Троицким [15, с. 156]. Самые ранние книги «сказок» служилых людей, отложившиеся в фонде, датированы 1722 г. и 1726 г. [11, оп. 1., д. 39, 78]. В первой из упомянутых книг содержатся «сказки» ветеранов, во второй – недорослей и синодальных дворян. Знакомство с ними показывает, что по структуре они, в целом, соответствовали колычевскому формуляру, хотя их устойчивость оста-

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РНФ № 14-18-01873.

* За исключением нескольких весьма интересных исследований, посвященных высшим слоям русской социально-политической элиты рубежа XVII–XVIII вв. [2, 17] и некоторых исследований по истории бюрократии и офицерского корпуса России XVIII в., в которых эта проблема затронута вскользь и в различных контекстах [например: 6, 8, 10, 12, 15].

влась еще далека от анкетной: это выражалось и в нестабильной последовательности рубрик, и в различном объеме приводимой в рубриках информации.

Хотя материалы этих книг не претендуют на всеохватный характер и не дают возможности делать окончательные и всеобъемлющие выводы, они позволяют высказать ряд предварительных наблюдений и о государственной кадровой политике, и о социокультурном облике русского дворянства периода ранней империи, поскольку содержат свыше трехсот биографий его рядовых представителей. Вкратце, они таковы.

Прежде всего бросается в глаза бедность дворян, сведения о которых зафиксированы в указанных книгах. Подавляющее большинство из них – беспоместные или мелкопоместные, чьи владения не превышают 10 дворов (не редко – в совладении с отцами или братьями). На их фоне обладатели имений в 15–25 дворов выглядят весьма состоятельными, а единичные счастливицы, вроде 15-летнего недоросля-сироты Петра Михайлова сына Николева (58 дворов), мичмана Конона Ермолаева сына Прончищева (80 дворов) или судьи счетной конторы Берг-коллегии Ивана Ларионова сына Телепнева (108 дворов), кажутся просто магнатами. В целом, по своему материальному положению эти дворяне едва ли отличались от однодворцев.

Материальный статус учтенных дворян не имел прямой зависимости от их служебного статуса: ни стартового, с которого они начинали свою службу в петровской армии, ни приобретенного на военном или гражданском поприще. Среди подавших сказки – выходцы как из московских (стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы), так и из городских чинов. «Сказки» демонстрируют крайне медленный карьерный рост этих людей. Абсолютное большинство опрошенных за 20–30 лет военной службы и участия во всех ключевых сражениях петровского царствования оставались в должностях рядового, унтер- и обер-офицерского состава. Наиболее распространенными из обер-офицерских званий, которых достигали дворяне к моменту отставки, были звания прапорщика, реже – поручика. Из материалов, представленных в «сказках» 1722 и 1726 гг. только четверо дворян дослужились до штаб-офицерских рангов (2 майора и 2 подполковника). Относительно высокий уровень военной карьеры не принес им достатка: у одного майора и одного подполковника числилось по 3 крестьянских двора, у остальных – ни одного.

Штатская служба, на которую попадала часть исследованного контингента после отставки из полевых и гарнизонных частей, также не приносила значительных плодов. Потолком карьеры в местной администрации для этих отставников был ранг асессора при провинциальном воеводе, подчиненного комиссара или комиссара «от земли», а в центральном аппарате, куда попадали совсем единицы, – уже упоминавшаяся должность главы счетной конторы в Берг-коллегии. При этом в массе своей дворяне были элементарно грамотными (умели читать и писать). Лишь единичные случаи показывают более высокий уровень грамотности (владение «цифирью» или знание немецкого языка).

Наконец, рассмотренный материал позволяет сделать еще одно наблюдение: о неравномерности служебной нагрузки на дворянство петровской и постпетровской поры. С одной стороны, власти очень неохотно отправляли дворян в полную отставку. Даже увечным или старым служилым (в возрасте от 60 до 85 лет) пытались найти какое-нибудь применение. С другой, «сказки» фиксируют определенное количество лиц, умудрявшихся числиться в недорослях до 30–40 лет, не имея на то уважительных причин. При этом речь не идет о «нетчиках»; их просто не вызывали к смотрам. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос об эффективности служебного учета в означенный период.

В целом, совершенно очевидно, что комплексное исследование учетных материалов Герольдмейстерской конторы крайне продуктивно, несмотря на невозможность получения полных сведений об общей численности дворян.

Во-первых, систематический анализ этих документов позволяет реконструировать сам механизм организации учетно-мобилизационной и кадровой службы в России первой трети XVIII в.: это важно как для общего понимания сути и характера социально-политических изменений, происходивших в этот период, так и для исследования управленческих практик эпохи раннего Нового времени. Во-вторых, в контексте общей проблемы исторического транзита от Средневековья к Новому времени автономный интерес представляет изучение делопроизводственных форм и эволюция канцелярской культуры (история административного делопроизводства или, как сейчас говорят, документационного обеспечения управления). Наконец, материалы Герольдмейстерской конторы содержат бесценный материал по социальной истории дворянства ранней

империи, особенно востребованный в антропологически ориентированных и просопографических исследованиях.

1. Демидова, Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. – М. : Наука, 1987. – 228 с.
2. Захаров, А. В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства / А. В. Захаров. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2009. – 447 с.
3. Калачев, Н. Десятни // Труды Второго археологического съезда в Санкт-Петербурге / Н. Калачев. – СПб., 1876. – Вып. 1.
4. Козляков, В. Н. Десятни служилых «городов» второй половины XVI – начала XVII века / В. Н. Козляков // Источниковедение: поиски и находки : сб. науч. трудов. – Воронеж, 2000. Вып. 1.
5. Лаптева, Т. А. Провинциальное дворянство России в XVII веке / Т. А. Лаптева. – М. : Древлехранилище, 2010. – 596 с.
6. Медушевский, А. Н. Источники о формировании бюрократии в России первой четверти XVIII в. / А. Н. Медушевский // Источниковедение отечественной истории. – М. : Наука, 1989.
7. Оглоблин, Н. Н. Что такое «десятни»? / Н. Н. Оглоблин // ЖМНП. 1891, ноябрь. Т. CCLXXVIII.
8. Петрухинцев, Н. Н. Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии / Н. Н. Петрухинцев // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682 – 1750). – М. : РОССПЭН, 2013.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ) : собрание 1-е. – Т. 6. – № 3896.
10. Рабинович, М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны / М. Д. Рабинович // Россия в период реформ Петра I. – М. : Наука, 1973.
11. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 286 (Герольдмейстерская контора). – Оп. 1. – Д. 1, 4, 27, 39, 48, 52, 78.
12. Смирнов, Ю. Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. / Ю. Н. Смирнов // Классы и сословия России в период абсолютизма. – Куйбышев, 1989.
13. Станиславский, А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков / А. Л. Станиславский. – М. : РГГУ, 2004. – 506 с.
14. Сторожев, В. Н. Десятни как источник для изучения истории русского провинциального дворянства в XVI и XVII вв. (историко-юридическая заметка) / В. Н. Сторожев // Юридический вестник. 1890. Т. 4. Кн. 3.
15. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. (Формирование бюрократии) / С. М. Троицкий. – М. : Наука, 1974. – 390 с.
16. Black, J. Eighteenth Century Europe. 1700 – 1789 / J. Black. – L., 1990. – 363 p.
17. Poe, M. T. The Russian Elite in the Seventeenth Century. Vol. 1 / Poe M., Kosheleva O., Morozov B., Martin R. The Consular and Ceremonial Ranks of the Russian «Sovereign’s Court», 1613 – 1713. – Helsinki, 2004. – 467 p.

Козлова М.И.

**«СИЛЬНА РУКА ВЛАДЫКА» И «ОСТАВЬ ТЫ СУЕТУ...»
В ФОНДЕ ЩЕРБАТОВЫХ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ДРЕВНИХ АКТОВ**

В российской историографии с XVIII в. складывался образ выдающегося историка, публициста, общественно-политического деятеля кн. Михаила Михайловича Щербатова (1733–1790). В каждую эпоху исследователи использовали для него свое лекало: в XVIII в. о нем практически не появлялось работ, известна его биография в «Опыте исторического словаря о российских писателях», для этого периода он запомнился своей полемикой с И.Н. Болтиным; в XIX в. были заданы противоположные, противоречивые оценочно-интерпретационные направления для изучения взглядов М.М. Щербатова, но определяющую роль в формировании его образа сыграл А.И. Герцен, который назвал историка предтечей славянофильства – «идеалы Щербатова – глубоко в могиле» [1, с. VI]; в советскую эпоху закрепилось представление о нем как о «крепостнике», «реакционере», «консерваторе», защитнике старого уклада. М.М. Щербатов оказался в прокрустовом ложе между формированием его отрицательного образа в современную ему эпоху как автора, оппозиционно настроенного к Екатерине II, и непониманием его истинных мыслей другими исследователями. Отметим, что взгляды М.М. Щербатова и Екатерины II не совпадали ни в вопросах политики, ни в создании исторических трудов. Для «М.М. Щербатова “буква” исторического источника (чаще всего) имела приоритет над общей схемой объяснения, ... для императрицы, наоборот, смысл заключался в нарративизации своей объяснительной схемы. В ее модели историописания объяснение превалировало над сообщениями исторических источников» [3, с. 19].

При изучении биографии исторической личности, пишет Л.П. Репина, – «речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных человеческих судьбах и, одновременно, – об изначально заданной принципиальной установке на выявление специфики и вариативности разноуровневого социального пространства, полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста» [4, с. 292]. Но когда исследовательская камера фокусируется на сво-